

«Я не нуждаюсь ни в современниках,
ни в историографах»:
история архива Ольги Фрейденберг

В статье рассматривается история формирования и содержание архива О.М. Фрейденберг. Состав сохранившихся документов показывает, что Фрейденберг, не надеясь на учеников и историков науки, тщательно отбирала материалы для своего архива. Задуманный как «полная система духовного наследия», архив должен был содержать только научные работы и автобиографические Записки (мемуарно-дневниковый комплекс, включающий более 2 000 рукописных листов), которые можно назвать развернутой научной биографией Фрейденберг.

Ключевые слова: архив, О.М. Фрейденберг, мемуары, автобиография, история науки.

Архив Фрейденберг на первый взгляд не представляет из себя ничего загадочного или необычного: большую его часть составляют научные работы: статьи, монографии, неизданных – больше, изданных – совсем немного, а также переписка с коллегами, друзьями и родственниками, бытовые и личные документы, открытки, фотографии – свои, гимназических подруг и родственников, в основном до 1920-х годов, немного записных книжек, несколько тетрадок стихов. Архив не очень велик и умещался в железном сундуке. Ну, еще обширный мемуарно-дневниковый комплекс, называемый автором Записками, – более 2000 рукописных листов в 34 тетрадях, – хранившийся отдельно от сундука и по объему не сильно уступающий остальному архиву. Это очень яркое автобиографическое произведение, описывающее жизнь автора с раннего детства до декабря 1950 г.: путь в науку и первые открытия, страшную жизнь вместе с 80-летней матерью во время блокады Ленинграда, кампанию по борьбе с космополитизмом

и разгром гуманитарной науки в Ленинградском университете во второй половине 40-х годов¹.

Записки создавались с 1939 по 1950 г., но поначалу не имели единого замысла и хронологической последовательности. Первая часть – «Самое главное» – охватывает время с раннего детства до поступления в Петроградский университет в 1917 г. Основной текст ее был написан с 11 ноября 1939 г. по 11 февраля 1940 г. и предназначался для любимого человека. Фрейденберг поступила в университет в 27 лет, а до этого после гимназии в основном жила празднично, ничем серьезно не занимаясь, много путешествовала. Такая жизнь была оборвана Первой мировой войной. Она стала сестрой милосердия в двух лазаретах – такой Фрейденберг в ученой среде никто не знал².

Вторая часть Записок начата в мае 1942 г., когда чернила, замерзшие в первую блокадную зиму, оттаяли, и закончена в апреле 1944 г. после смерти матери Анны Осиповны, она называется «Осада человека» и посвящена войне и блокаде Ленинграда.

К Запискам она возвращается только спустя год с небольшим после победы. «Они связывались у меня с записью о маме, в блокаду, в преисподней, где бились наши совести против законов физиологии. Но я к ним вернулась, готовая преодолеть самые кровоточащие травмы, чтоб только донести до чернил и бумаги рассказ о сталинских днях. Это – мой посильный протест против удушья человека. И вдруг эти записки принесли мне чарующее наслаждение. Я попала в имагинарный мир, от которого пахло теми днями, ушедшими навсегда, похороненными. Вот я вижу их, как вместе с маминым гробом их опускают в болото Волкова. Но в них навсегда сохранена наша жизнь, как ужасна она ни была. И, возобновляя записки, я иллюзорно вижу себя за столом в блокаду, с мамой, живыми³. <...> Я не могу писать писем, и люди меня тяготят. А эти записки я пишу вчасос. Это мой трамплин к матери»⁴.

В таком настроении она услышала однажды по радио передачу о Бетховене, о сочинении им музыки, несмотря на глухоту. Фрейденберг сравнивает себя с ним: «Страшная жизнь без содержания. Говорят: а наука? а ученики? – Они думают, что наука – изолированная от духа область, какой-то доминион с самоуправлением, государство в государстве. Они не понимают, что наука – экстракт всего сознания в его целом. Что ученики и наука для сердца, в котором нет жизни? Бетховен, оглохнув, продолжал творить звучание звуков. Когда дух жив, даже оглохший может создавать звонкие сочетания. Но разум, глаза, руки бессильны, когда сердце пусто»⁵. Это сравнение с Бетховеном встречается в Записках дважды, и оба

раза Бетховен – образ преодоления «отъединенности» от мира и невозможности говорить в беззвучном пространстве. 19 июня 1945 г. Фрейденберг заполняет первые 20 листов новой части Записок, озаглавленной «Воспоминания о самой себе». Это продолжение блокадных тетрадей. Затем записи обрываются и возобновляются только через два года – 19 июля 1947 г., причем Фрейденберг пишет в той же тетради и при этом повторяет описание тех же событий, начиная с 1944 г, только более подробно. 5 августа 1947 г. «Воспоминания о самой себе» закончены – семь тетрадей (около 200 рукописных тетрадных листов). Судя по датам, все они написаны всего за полтора летних месяца. Тогда же происходит (или завершается) оформление двух первых частей – «Самого главного» и «Осады человека». Появляется титульный лист, общий для всех Записок, получивших название «Пробег жизни», на его обороте есть дата – 6 августа 1947 г. А в конце последней тетради «Воспоминаний о самой себе» – оглавление всех Записок, куда была включена еще не написанная, но уже получившая название часть – «Венок из укропа» (период от поступления в университет и до войны).

В это время или чуть раньше, но все-таки в 1947 г. Фрейденберг вспоминает радиопередачу, в которой прозвучали слова, которые она отнесла к себе: «Я слушала по радио о Бетховене, как он оглох, но не сдавался. Больше я не понимала, почему оглохший гений звучанья должен был не сдаваться и почему это считалось идеалом. А если б он плюнул в глаза палача – жизни, это котировалось бы обывателями ниже? Вдруг я услышала фразу: Бетховен, несмотря на свои страдания, осуществлял “человеческое значенье”. Я остановилась, потрясенная. Да, так говорит в рупор чистое пространство. Это я поняла. Это не добродетель, не сила жизни, а гордость человека. Он идет своим путем. Он остается собой, не глядя ни на что. Я делаю свое дело так, как понимаю его. Остальное меня не касается. Бей меня в грудь. Я продолжаю быть человеком»⁶.

В этот сложный период жизни у Фрейденберг возникает идея целенаправленного формирования собственного архива. Находясь в тяжелейшем душевном состоянии, она часто думает о смерти и желает ее скорейшего прихода. Перебирая различные способы сведения счетов с жизнью, она останавливается на смерти от голода⁷ – медленном умирании, когда можно все точно рассчитать, завершить все свои дела: «Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив»⁸. Примерно в это же время она получает письмо из Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина с предложением передать в рукописный отдел библиотеки свой архив⁹. «Можно себе представить, как меня под-

няло и воодушевило это предложение! Чувство истории, как объективного процесса, всегда говорило во мне с огромной силой. Здесь лежала моя уверенная вера, абсолютное мое преклонение перед объективным над человеческим процессом, – мой, если угодно, матерьялизм, для которого единая человеческая жизнь составляла составную часть всего сущего. <...> Идея архива была идеей истории. На меня пахнуло большим временем. Патетика над-личного и над-эпохального была для меня родной стихией. Я получала письмо, из которого я узнавала, что не одна на свете. Архив приобщал меня к братству мирового человека <...> А меня интересовала идея именно архива, то есть полной системы моего духовного наследства. Для этого и нужна была моя жизнь. <...> Я принялась готовить материалы для своего архива. В него войдут работы Хоны¹⁰ и записки моего отца, этого замечательного человека, необыкновенного по широте мысли и по невезенью в жизни. Крупнейший изобретатель, светлый и благородный ум, – мой отец не получил в своей стране признания и прожил в диспропорции таланта и жизни. Я оглядывалась на путь своей семьи. Все, в чем я жила, принадлежало ей. И я думала: вот прошли такие незаурядные, большие люди, как мой отец, мама. Ничего, кроме меня, от них не осталось. Но они создали для меня все, в чем я живу, – чтоб потом в моем лице ликвидировалась их жизнь и отвещественное в матерьяльных предметах все их трудовое достоянье.

И я ликвидирую и ликвидируюсь. Это единственный смысл моих нынешних дней. Но в них и огромный пафос. Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах. По-видимому, история в том и заключается, чтоб люди жили и исчезали, подобно Бетховену, “осуществляя человеческое значенье”».

В письме нет даты, но с этого времени Фрейденберг формирует свой архив в соответствии со своими представлениями об идее «архива». Это не собрание всех сохранившихся рукописей и документов. Полнота, документальное подтверждение каждого мгновения жизни для суда последующих историков науки Фрейденберг не интересуется, это «полная система духовного наследства», которую она посчитала нужным представить потомкам.

И Фрейденберг погрузилась в «огромную работу по раскопкам прошедшего». Статьи и монографии дописываются, редактируются и перепечатываются на машинке, письма и документы сортируются и датируются. Последние использовались в Записках, куда они либо переписывались, а затем уничтожались, или просто вкладывались или вшивались в текст. Следы этой работы заметны на сохранившихся документах: красным или синим карандашом про-

ставлены даты некоторых недатированных писем и документов, вычеркнуты их части, использованные в Записках.

Материалы архива можно условно разделить на две неравные части.

Меньшую и довольно случайную часть составляют документы, имеющие отношение к биографии Фрейденберг, в том числе об учебе в гимназии, заграничных поездках, отдельные письма гимназических подруг, записные книжки, стихи, фотографии, небольшое число бытовых документов, материалы об учебе в Петроградском (Ленинградском) университете, переписка с коллегами и учениками, незначительное число документов и писем родственников, фотографии, тоже в основном семейные.

Переписка с коллегами и учениками, подругами, родственниками, не считая самых близких, в архиве представлена выборочно и случайно. Целенаправленно сохранены только письма Бориса и Леонида Пастернаков, а также родителей¹¹. Я думаю, что Фрейденберг не хранила письма большинства своих многочисленных корреспондентов, не считая их важными для своего архива. Так, разрезанное на восемь частей письмо ученицы Фрейденберг С.В. Поляковой (других ее писем в архиве нет, а в фонде Поляковой в РГАЛИ сохранились 66 писем и телеграмм Фрейденберг) использовалось для карточек указателя к монографии «Композиция “Трудов и дней” Гезиода». И письма Елены Лившиц, сохранившей более 70 писем к ней Фрейденберг, в архиве самой Фрейденберг отсутствуют за исключением двух: одно переписано в блокадные записки, на обороте другого Фрейденберг записала стихотворение Пастернака. Но иногда подобные случайности скрывают интересный «сюжет». Так, в архиве есть всего четыре письма проф. С.А. Жебелева, который был научным руководителем и дипломной работы, и диссертации Фрейденберг. И понятно, почему она сохранила именно эти письма. Они, как и ответные письма Фрейденберг, посвящены одной чрезвычайно важной для обоих корреспондентов теме – «Деяниям Павла и Феклы», первой научной работе Фрейденберг, давшей начало ее научной биографии и очень высоко оцененной Жебелевым. Переписки с Н.Я. Марром фактически нет: записка, переданная на защите диссертации, и открытка из Бретани. Близких отношений отсюда не вывести, но на конверте с запиской и открыткой надпись «Мои реликвии», которая звучит вечной благодарностью молодого исследователя за бескорыстную поддержку в начале пути.

Вторую, большую часть архива составляют научные труды и Записки. Но при этом в архиве очень мало рукописей, а уж тем

более черновиков. Обратные стороны рукописей законченных работ, которые имеются в машинописном виде, использованы для других записей. Например, рукопись первых двух лекций из монографии «Лекции по введению в теорию фольклора» сохранилась на оборотах одной из глав монографии «Композиция “Трудов и дней” Гезиода», в свою очередь сама монография представлена в двух редакциях, одна из которых полностью рукописная, потому что не была завершена и перепечатана¹². Опубликованные же при жизни Фрейденберг работы не сохранены ею даже в машинописи. Обнаружение работы делало рукопись лишней.

Итак, по замыслу Фрейденберг, архив должен был содержать завершенные и подготовленные к публикации, т. е. перепечатанные на машинке, научные работы и рукописные Записки и представлять собой «полную систему духовного наследства» Фрейденберг, адресованную Истории: «Я говорю не об историографии, этой жалкой науке, а об истории как мировом процессе. Здесь ничто не бывает презрено или забыто. Это абсолютная жизнь бытия и небытия, выражающаяся в вечной изменчивости. Рай, который строили народы, бессмертие, “тот свет” – это все существует, но его зовут не небом, не парадизом, не вальгаллой, а историей. Обмануть ее невозможно, сколько бы ни фальсифицировались документы и ни искажались или утаивались факты; это можно обмануть только историографию»¹³. Эпиграфом к Запискам взята строка Пиндара: εἰδὼδ' ὄτυχρονόσῃρων πετρῶμεναν τελέσει [«Я знаю: ползущее (букв. “пресмыкающееся”) время свершит предопределенное»]¹⁴.

Не надеясь на последующих историков науки, Фрейденберг сама создает свою научную биографию. После окончания «Воспоминаний о самой себе» Записки уже не прекращаются и ведутся постоянно с небольшими перерывами, иногда сбиваясь на дневник.

20 сентября 1947 г. начата следующая часть, пятая, названная «Затяжное послесловие», затем еще две части без названия – за лето 1948 и за октябрь 1948 – декабрь 1950 г. Все мемуарные части Фрейденберг объединяет под общим заглавием «Пробег жизни».

Зимой 1948–1949 гг. также за короткий срок написан «Венок из укропа» – 10 толстых (до 100 листов) тетрадей, охватывающих 1917–1941 гг. – всю научную молодость и зрелость. В ЛГУ шла кампания по борьбе с космополитизмом, разгром кафедры и дискредитация Фрейденберг как ученого, а она «воскрешала» свою научную молодость и зрелость. Записки заканчиваются в декабре 1950 г. – Фрейденберг отстранена от заведования кафедрой, затем покинула университет, и мы почти ничего не знаем о ней после этой даты, потому что она об этом не написала¹⁵.

Завещание Фрейденберг переписывала трижды, тщательно выбирая достойного хранителя. Согласно последнему варианту (от 14 ноября 1953 г.), все ее имущество, включая архив, было передано дочери ее гимназической учительницы Ольги Владимировны Никольской (в замужестве Орбели) Русудан Рубеновне Орбели (1912–1985). В первом варианте (от 30 ноября 1949 г.) научное наследие предполагалось передать ученице Фрейденберг С.В. Поляковой, а душеприказчицей назначить гимназическую подругу Е.С. Лившиц, имущество же было расписано между различными друзьями и родственниками. Потом в завещание были внесены изменения (октябрь 1950 г.), согласно которым все научные работы предназначались в Архив Академии наук СССР. Но через три года и этот вариант был аннулирован. Таким образом, единственной душеприказчицей и наследницей стала Р.Р. Орбели.

Часть документов отца Фрейденберг, изобретателя и журналиста Михаила Филипповича Фрейденберга (1852–1920), включая мемуары, патенты и т. п., были переданы в Музей связи им. Попова в Ленинграде (там есть его отдельный фонд), часть, в том числе макеты изобретений, – в Политехнический музей. В архиве Фрейденберг сохранились только вторые экземпляры некоторых документов. Картины Леонида Осиповича Пастернака и некоторые другие были переданы наследницей в Русский музей и Одесскую картинную галерею.

В архиве также хранились четыре работы И. Г. Франк-Каменецкого. По просьбе египтолога И.Г. Лившица в августе 1955 г. Р.Р. Орбели нашла их и, по-видимому, передала родственникам.

В середине 1960-х годов архивом интересовались родные с материнской, пастернаковской, стороны – Лидия Леонидовна Пастернак, жившая в Оксфорде, Евгений Борисович Пастернак. Они встречались с Орбели, но о том, что в сундуке хранятся письма Бориса Пастернака к Фрейденберг, Орбели не подозревала. Письма были обнаружены Н.В. Брагинской в конце 1973 г. В середине 1970-х годов Орбели привезла их в Москву и передала Е.Б. Пастернаку. Письма самой Фрейденберг нашлись у Александра Леонидовича Пастернака. Записки Фрейденберг Орбели хранила отдельно от научных работ и никому не показывала. Вместе с письмами она привезла их в Москву и просила Е.Б. Пастернака позаботиться об их судьбе, так как справедливо считала их содержание антисоветским и поэтому опасным. Е.Б. Пастернак и его жена Елена Владимировна начали подготовку издания переписки О.М. Фрейденберг и Б.Л. Пастернака и включили в него обширные фрагменты из Записок. Тогда же эти письма и Записки в полном объеме были

перепечатаны на машинке в четырех экземплярах у надежных машинисток. Оригиналы же в целях их сохранности были переправлены в Оксфорд, где и находились в семейном архиве Пастернаков до недавнего времени. Сейчас они хранятся в Гуверовском институте в Стэнфорде¹⁶.

Уже после смерти Фрейденберг в архив были переданы две больших коллекции ее писем: более 70 писем к гимназической подруге Е.С. Лившиц (с 1905 по 1953 годы) принесла ее сестра Роза и 19 писем к гимназической учительнице О.В. Никольской (с 1908 по 1953 годы), по-видимому, вложила Орбели. После смерти Орбели архив унаследовала ее дочь О.А. Мандрыка, ныне тоже покойная. Однако воля Орбели, высказанная в устной форме, но с известной торжественностью именно как воля в присутствии Е.В. и Е.Б. Пастернаков, их детей и Н.В. Брагинской, состояла в том, чтобы Пастернаки решили судьбу архива по своему усмотрению, но желательно, чтобы он попал в конце концов на государственное хранение. В конце 1985 г., после смерти Орбели, архив переехал в Москву и был передан Брагинской для подготовки научного описания его материалов (с последующей передачей на государственное хранение) и издания трудов О.М. Фрейденберг. Начатые тогда же переговоры с архивами, ЦГАЛИ в частности, показали, что после передачи материалов на государственное хранение в течение неопределенного времени они окажутся недоступными, а значит, и публикации из архива придется остановить. На передачу архива по частям тогдашнее руководство ЦГАЛИ не согласилось. Сейчас позиция архива изменилась, и уже подготовлена для передачи часть документов, куда входят опубликованные и отсканированные статьи.

Практически все имевшее отношение к семье Леонида и Бориса Пастернаков из архива Фрейденберг передано наследникам Бориса Пастернака еще в 1980-х годах: письма и фотографии Бориса Пастернака и ответные – Ольги, а также письма Леонида Осиповича Фрейденберга хранятся в семейном архиве Пастернаков в Москве. В то же время в архив в 1990–2000-е годы поступили ксерокопии писем Фрейденберг семье Пастернаков и ответных (1891–1937), а также электронные копии Записок (сделанные Петром Евгеньевичем Пастернаком в 2004 г.).

Систематизация и описание архива было начато в начале 1990-х годов стараниями М.Ю. Сорокиной, профессионального архивиста, выпускницы историко-архивного института и историка отечественной науки. Это описание опубликовано в приложении ко второму изданию «Мифа и литературы древности»¹⁷.

Примерно с 1994 г. был начат перевод материалов архива в электронный вид. Документы сканировались, затем распознавались и вычитывались, а рукописные – набирались. Таким образом, практически все научные труды, Записки, переписка и некоторые документы на сегодняшний день оцифрованы. Но даже оцифрованными документами довольно трудно пользоваться, когда они представлены большим числом файлов. И Н.В. Брагинская все это время искала способ организовать их в базу данных со сквозным поиском по всем документам. Своими силами это было сделать невозможно, а программистов наши запросы не заинтересовали. Отсканировать и выложить организованную в каком-то порядке вереницу изображений отсканированных документов, конечно, не составляет труда, но нужна была система, которая позволила бы привязать к изображению документа соответствующий текст, обладала бы различными формами поиска и возможностью создания справочного аппарата.

Почти случайно я обнаружила в Сети архив академика Андрея Ершова (основоположника теоретического и системного программирования в СССР). Его ученики, родственники и коллеги в Новосибирске создали сайт, посвященный его архиву, и на тот момент это был единственный проект, который нам подходил. Н.В. Брагинская связалась с Институтом системных исследований СО-РАН, но оказалось, что технически база данных тяжеловесна, и ее разработчики тратят невероятные усилия, чтобы поддерживать ее в рабочем состоянии. Они предложили нам другой проект с другими исполнителями, и мы даже выиграли грант РГНФ на 2008–2009 годы, но предложенная система также не подошла. И тем не менее на средства гранта мы с помощью программистов, прежде всего А.С. Малковой, создали сайт «Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг (1890–1955)» – www.freidenberg.ru, где постепенно размещаются документы архива, создана система указателей, а также ведется библиографический раздел работ Фрейденберг и о ней.

В начале 2013 г. через сайт к нам обратилась И.М. Лившиц, племянница Е.С. Лившиц, желая передать нам письма Фрейденберг к своему отцу, М.С. Лившицу (около 80 писем, 1910–1922). Таким образом, архив продолжает пополняться.

Часть выложенных на сайте документов, в том числе Записки, переписка и неопубликованные работы, временно закрыты до публикации, работа над которой сейчас ведется. И сайт будет открыт всему миру, «тоска по мировой науке» осуществится, но в формах, о которых Фрейденберг не могла и мечтать.

- ¹ Фрагменты Записок опубликованы в изданиях переписки с Борисом Пастернаком, например: *Пастернак Б.Л.* Пожизненная привязанность: переписка с О.М. Фрейденберг / Сост. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернак. Москва: Арт-Флекс, 2000. 414 с., а также отрывки отдельных частей: *Фрейденберг О.М.* Будет ли московский Нюрнберг?: (из записок 1946–1948) / Публ. Ю.М. Каган // Синтаксис. Париж, 1986. № 16. С. 149–163; *Она же.* Осада человека / Публ. К. Невельского // Минувшее: исторический альманах. Р.: Atheneum, 1987. Вып. 3. С. 9–44; *Она же.* Университетские годы / Предисл., публ. и коммент. Н.В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145–156 и др. Полную библиографию см. на сайте, посвященном О.М. Фрейденберг: www.freidenberg.ru.
- ² См. в предисловии к публикации фрагмента воспоминаний рассказ о выставке к 100-летию Ольги Фрейденберг в Ленинградском университете: «Те, кто учились у Фрейденберг, сами уже профессора, многие уже на пенсии, с нескрываемым изумлением смотрели на фотографии юной Фрейденберг. Они не просто не знали ее в молодости, не видели этих фотографий. Впечатление, что они не знали этого человека, с ясным и тихим лицом, способного носить какие-то шляпы, одеваться. Пожилые дамы конфузливо вспоминали, поглядывая на портреты, безобразную, бесформенную и простейшую одежду своего профессора, сетку на голове, тяжелое, беспросветное лицо, которое они дружно узнавали в послевоенных фотографиях, кажущихся мне убитыми, мертвыми» (*Брагинская Н.В.* Филологический роман: предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 137).
- ³ Записки. Тетрадь 21. Л. 13–13 об.
- ⁴ Там же. Л. 16 об.
- ⁵ Там же. Л. 8–8 об.
- ⁶ Записки. Тетрадь 25. Л. 20.
- ⁷ «В один прекрасный день меня осенила мысль, та самая, которая столько времени сидела внутри меня: ведь можно перестать есть! Я встрепенулась. В самом деле! Как же я раньше не догадывалась! Так просто, доступно! Я стала в радостном оживлении продумывать: у себя дома, на своей постели, заранее все подготовив и завершив полностью свои дела; летом, когда можно лежать ослабшей, и печку топить не нужно; без пропуска служебной работы; никто из друзей не догадается, отчего я таю. Да, летом, через год летом, без болезней, без больницы» (Записки. Тетрадь 26. Л. 3–3 об.)
- ⁸ Записки. Тетрадь 26. Л. 3 об.
- ⁹ Письмо из Публичной библиотеки сохранилось в архиве, но оно не имеет даты, поэтому примерная дата, 1946 г., установлена по Запискам.
- ¹⁰ *И.Г. Франк-Каменецкий.* Эти работы были отданы родным автора после смерти Фрейденберг.
- ¹¹ Большие подборки писем гимназическим друзьям и гимназической учительнице появились в архиве уже после смерти Фрейденберг.

- ¹² Первые три части этой монографии были принесены от машинистки уже после смерти Фрейденберг. А не завершена монография была по ряду причин. Одна из них – гибель Франк-Каменецкого в 1937 г. Фрейденберг считала, что в этой работе она идейно многим обязана Франк-Каменецкому. Но известная в рукописи его работа о потопе не была опубликована. Поэтому вскоре Фрейденберг писала С.В. Поляковой о своей работе: «Она не увидит света при моей жизни. Она не выйдет до “Потопа”. Я напишу к ней предисловие и разделю авторство с Изр. Гр-чем. Вы будете молчать» (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 23–32 об.). «Молчать» предлагалось потому, что Гесиод был написан целиком Фрейденберг. Однако позже, в 1940–1941 годах, она пыталась напечатать книгу, но безрезультатно. Предисловие же, посвященное Франк-Каменецкому, было написано, но так никогда и не обрело завершенного вида.
- ¹³ Записки. Тетрадь 26. Л. 4.
- ¹⁴ Немейские оды, IV, 43.
- ¹⁵ В архиве сохранилась обложка тетради с надписью: «После изгнания 1951–1955», в которую были вложены подготовительные материалы для следующей части Записок, которые созданы не были.
- ¹⁶ Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155–157.
- ¹⁷ Краткое описание материалов личного архива О.М. Фрейденберг / [Подгот. М.Ю. Сорокиной] // Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 776–784.